

АЛЕКСАНДР РУДЕНКО

ПО ТАЛОМУ СНЕГУ СУДЬБЫ

* * *

За вечерницей погасею,
за уже вчерашним днём
эту ночь, с небес упавшую,
посвящаешь ты огнём.
Тихо шепчешь:
“Тьма парящая,
высока и глубока,
отвори глаза незрячие
сквозь густые облака.
Ты — бесплотная, свободная —
сводная, а всё ж сестра
духа моего голодного,
слейся с искрами костра.
Заиграй вдали зарницами,
тёплый ветер полюби,
птицу феникса, что снится мне,
высвети в своей глуби.
Из погрешного и грешного,
из великого в судьбе,

РУДЕНКО Александр Анатольевич родился в 1953 году в Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор ряда книг стихотворений и прозы, а также переводов поэзии. Стихи переводились на болгарский, английский, испанский, французский, немецкий и другие языки. Член Союза писателей России. Почётный член Союза писателей Болгарии. Лауреат болгарской Международной Ботевской премии. Живёт в России и в Болгарии.

из сожжённого, сгоревшего
возродись сама в себе.
Ибо — бодрствуем ли, дремлем ли,
что бы в прошлом ни сбылось,
не насытимся мы временем,
над землёй летящим вскользь,
самородным лунным золотом,
танцем буйного огня...
В мир да не повеет холодом
от тебя
и от меня”.

* * *

Глядишь неподвижно на сонную хвою
и слушаешь плотную тишь.
Куда эту ночь поведёшь за собою?
Молчишь. И себе говоришь:
“Над памятью пепла пройду ли, проеду
среди отступившей зимы
по синему свету, по лунному следу,
по талому снегу судьбы —
к беспечности юной, к весёлым надеждам,
к ещё не сожжённым мостам
реки, уходящей под небо, к прибрежным
сияющим омутам,
в которых не видно угрозы, и где лишь
воды безоглядный крутёж...”
И ели внезапно шепнут: “Не проедешь”.
Дохиёт тишина: “Не пройдёшь”.
Зачем же восходят над тающим снегом
воздушные терема
и полнятся тонким мерцающим светом,
когда отступает зима?

* * *

Ольховый мыс, низовый ветер
в раздвинувшейся темноте.
И новый день уже заметен —
скользящий с рябью по воде.

Из глубины его взлетая
наверх — в клубок земных путей,
чуть блещет жила золотая
твоих надежд, любви твоей.

И слышишь, будто бы впервые,
как в жизнь твою издалека
спешат порывы ветровые,
и с ними шепчется ольха...

О том ли, что никак не хочет
в тебе забыться, отболеть,
когда идёшь беспечно к ночи,
меняя золото на медь?

* * *

Густым плющом увитый дом,
пуховый тополь за окном.
И, кроме шелеста листвы,
по вечерам ни звука.
Всплывает круглая луна —
и, высвеченная, видна
в отливах млечной белизны
большой реки излука.

Что делать с этой белизной,
с прохладной тишиной сквозной,
как будто шепчущими:
“Здесь
и правда, и отрада —
провалы прошлых дней принять,
в наитье медленном понять:
какой ты был, какой ты есть...
И вновь ли сердцу надо
в неутомимой маете —
увидеть тучи в темноте,
почувствовать, как вихрь с высот
в своём порыве вольном
даль выбирать, лететь вперёд
размечет пух и плющ сорвёт,
и в неизвестность понесёт
судёнышко по волнам...”

* * *

Ветер, слетающий с гор и колышущий ставни;
ломкий, в пожаре заката пылающий наст,
хвороста треск в очаге...
И подснежник в стакане,
дрожью своих лепестков открывающий в нас
путь сквозь сумятицу снов,
сквозь пространство земное
просверк ночных городов и полуденный жар,
где ещё долго мы пригоршни, полные зноя,
будем друг другу к губам подносить, как нектар.
Нас опойт ветровой и цветочною дрожью,
чтоб мы посмели пройти до конца этот путь —
там за горами, куда Провидение Божье
милостиво не даёт нам сейчас заглянуть.

* * *

Судьба глупа бывает и слепа,
но — не она в пивную “У попа”
нас привела сейчас, а только ноги...
Так пустим же и этот день на слом,
усядем за крашеным столом
и подведём короткие итоги.

Ещё дымят руины многих дней.
И нам ничуть отсюда не видней:
что тянется — забвенье или слава
к мечтам вчерашним и ночам без сна...

Так отопьём багряного вина
из медных чаш, не мудрствуя лукаво.

Столь глубоко зарыт, что не найти,
смысл — и порывов наших, и пути
в наплывах темноты, в разливах света...
А рядом площадь, где взирает ввысь
тот самый “поп” — из тёмной бронзы весь,
суровый патриарх с лицом аскета.

Да будет каждый со своей судьбой,
порой — глухою, и порой — слепой...
Но и в тиши, и в брани площадной —
да поживём не слепо и не глухо!

И патриарх седой сказал бы нам,
что каждого узнают по плодам
и рук его, и смелости, и духа.

* * *

У холмов залегшее затишье
в белоснежье тонет, в белостишье,
в нежности, разнеженности, неге...
Ни души. И ни следа на снеге.
Жизнь, как в праздничной обновке, —
в белом...
Но чутьём очнувшись, всем телом
чувствуешь:
в движенье дня неслышном
слишком всё красиво, мягко...
Слишком.
А такое не бывает даром...
В куртке грубой, с карабином старым,
с чёрным псом
пойдёшь к лесным завалам,
чтоб сестра судьба не ревновала.
И — легко с тобой ступая вместе,
чем-нибудь, какой-то тяжкой вестью
не ударила наотмашь быстро...
Пусть же тишину хлестнёт твой выстрел
и сольётся в снежном бездорожье
с ласковым
и жёстким миром Божьим.